

УДК 34

Административно-территориальное устройство монгольского государства в период династии Юань

Дугарова Евгения Жэмбеевна

Ассистент кафедры теории и истории права и государства,
Бурятский государственный университет,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: dugarova_s@mail.ru

Аннотация

В историко-правовой науке перспективным направлением в изучении монгольского средневекового государства является период империи Юань. В современной научной литературе не получили должного освещения и анализа вопросы государственного и общественного устройства Монголии в юаньский период. Новая эпоха – время правления династии Юань в истории Монголии означала изменение правового положения составных частей государства, введение новых принципов административно-территориального управления. В статье по материалам монгольской историографии раскрыты особенности административно-территориальной системы управления империи Юань, сочетавшей черты традиционного земледельческого и скотоводческого обществ. Анализ административной системы Монголии, утратившей с образованием Юаньской империи статус центра имперского управления государством, позволил раскрыть содержание и сущность внутренней правовой политики династии Юань в отношении многонационального населения империи. Дана характеристика административной реформы хагана, проведенной с целью установления эффективной системы контроля над обширными территориями империи. Сделан вывод о преемственности системы управления монголов, выразившейся в устойчивости политико-правовых традиций кочевого общества, несмотря на проводимую хаганской властью политику заимствования и широкого распространения на всей территории империи китайской системы государственного управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Дугарова Е.Ж. Административно-территориальное устройство монгольского государства в период династии Юань // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 2А. С. 39-47.

Ключевые слова

Монголия, Юань, система управления, империя, территория.

Введение

Образование Юаньской империи повлекло за собой введение новой административно-территориальной системы, изменение положения Монголии, где был установлен особый порядок управления. Во главе Монголии стоял сын хагана, имевший статус обладателя алтан тамги – золотой печати, наследника имперского престола [Дашням, 2005, 245]. Держание алтан тамги означало законодательное определение объема полномочий наследника ханского престола. Официальное установление формализованного порядка назначения главы Монголии должно было исключить междуусобные распри за ханский престол [Баярсайхан, 2003, 253]. Принцип управления территорией империи, предусматривавший определенное разграничение полномочий между хаганом-властителем и царевичем – правителем Монголии действовал вплоть до распада государства Юань.

Государственное и общественное устройство Монголии в юаньский период

Для регламентации системы управления составными частями империи вводились титулы, новая классификация чинов. Так царевич, управлявший Монголией, имел титул Цзин вана. Наряду с Цзин ваном, в китайских источниках упоминается чин Цин вана [Баярсайхан, 2003, 254]. Этимологический анализ слова «цзин» позволяет заключить, что Цзин ван может быть соотнесен с монгольским «эх, язгуур» («начало, происхождение»). Такое объяснение не противоречит сведениям Юань-ши (История династии Юань), в которых слова «цзин» и «язгуур» имеют одинаковое значение – родовитость.

В период Юаньской империи титул *Цзин вана* был учрежден только в Монголии, поэтому логично заключить, что Цзин ван был представителем монгольской знати, назначавшимся для управления территорией Монголии. В последующем, возможно, для исключения недоразумений именно титул Цин вана был заменен титулом *жонон*. Таким образом, в империи Юань были известны титулы *Цзин ван* и *Цин ван*, при этом *Цин ван* управлял отдельными территориями Монголии, не подвластными Цзин вану, а также некоторыми провинциями Китая. Вторым по степени важности должностным лицом после Цзинь Вана был *чинсан*. *Чинсан* – представитель *Ерөнхийлөн захирах тойрог* Чжун-шу-шэн (управления главного округа), главный советник Цзинь вана. На должность *чинсана*, утверждает Б. Баярсайхан, хан назначал из числа ближайших сановников [Там же].

Начиная со времен правления Хубилай-хана территория Хархорума стала называться *юан-чин-лу* или *юан-Чин-зам*. В 1260 г. в Хархоруме были созданы административные части: *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс* и *Ерөнхийлөн захирах тойрог* (управление главного округа). С перенесением *Ерөнхийлөн захирах тойрог* в южные районы Алтая для управления данной территорией империи *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс* стал основным административным учреждением на территории Монголии. Однако после мятежного выступления в 1290 г. знатных нойонов с участием черби – чиновников *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс* в Хархоруме был вновь учрежден *Ерөнхийлөн захирах тойрог*. Можно заключить, что основным направлением деятельности управления главного округа являлась военная функция.

В структуре *Ерөнхийлөн захирах тойрог* выделялись два отдела: восточный и западный, во главе которых стояли чинсаны. В последующем западный отдел был ликвидирован. Ранее Хубилай-ханом в целях разграничения управленческих функций в военной и гражданской сферах был создан ряд новых учреждений: *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс* и Военное

министерство. Министерство военного управления подчинялось *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс*, а в период войны его функции расширились: указания министерства были обязательны не только для военнотружущих, но и для гражданского населения.

Согласно монгольским источникам, в период Юаньской империи территория Монголии включала более 60 аймаков [Пунсаг, 2006, 29]. Названия монгольских аймаков определялись по имени нойона, под властным управлением которого находилось население данного аймака, что свидетельствует о формировании традиций, отличных от существовавших в период Чингисхана. Территория Монголии была разделена на следующие единицы: *монголын малчин зам* (лу) – монгольские скотоводческие пути; *тойрог* (лу) – округ, *гацаа* (сянь) – села, подобные административно-территориальному устройству империи.

Из Юань-ши следует, что в год да-дэ-гийн (1307) в Хархоруме была учреждена провинция среднего совета [Дэмчигдорж, 2002, 234]. С организацией провинции в результате ликвидации *Ерөнхийлөн захирах тойрог*, а также *Дэлгэрэнгүй тохинуулах хэлтэс* был учрежден *Хархорумын ниитийн даргын тойрог* – округ управляющего провинцией Хархорума. Важнейшим органом управления являлся Шу Ми-Юань – учреждение военного управления, созданное в военное время, по окончании войны упраздненное [Ганболд, 2006, 32].

Политика хаганов, направленная на распространение в Монголии опыта государственного строительства Китая, не достигла цели.

В поздний период Юаньской империи, во времена правления Бучит-хагана территория Монголии была переименована в Северную горную провинцию с центром Хархорум. По указу Есэнтөмөр-хагана для управления Северной провинцией (Монголией) империи было создано Учреждение для управления делами Хархорума. В некоторых источниках данное учреждение называют *Вангийн яамны түшмэл* (министерством ванов). С учреждением нового органа управления Монголией полномочия Цзин вана были возложены на коллегиальный орган – министерство ванов [Баярсайхан, 2003, 253].

Система управления Юаньской империи была представлена министерством центрального управления – *Төвлон засах яам*, ведавшим вопросами общего управления, министерством военных дел – *үйл таслах яам* и министерством судебных тяжб – *Зарга шийтгэх яам*. В составе министерства центрального управления были созданы по три министерства управления восточного и западного крыльев, представлявшие собой ведущие органы центрального управления [Сун Ли, 1987, 26].

Реформа административного управления, проведенная Угэдэй-ханом, завершилась восстановлением ранее упраздненного министерства центрального управления – Чжуншушэн. Анализ предположений введения министерства позволяет заключить, что Хубилай-хан восстановил прежнее значение данного учреждения, статус которого был понижен при Мункэ-хане. В 1261 г. было учреждено представительство министерства центрального управления, впоследствии в 1263 г. оно вошло в состав министерства центрального управления. Министерство центрального управления – *Чжуншушэн* возглавлял премьер-министр – *чжуншулин*. Данную должность традиционно занимали сыновья хагана. Также были введены должности придворных министров правового и левого крыльев, среди которых выделялись должности первого помощника и двух советников. В системе государственных органов чиновники правового крыла занимали привилегированное положение. Чиновничий аппарат составляли только нойоны, начиная от сановников министерства центрального управления, и советники, которые сосредотачивали всю административную власть в своих руках. Министерству центрального управления были подведомственны по три министерства левого и правого крыльев, при каждом из которых были должности главного чиновника и двух его помощников. В

1266 г. учреждена канцелярия, ставшая крупным государственным учреждением, по своему положению приравнивавшимся к министерствам. В 1270 г. канцелярия была ликвидирована, создано министерство прав чиновников, в подчинении которого находились шесть министерств. Представительства центрального министерства преобразованы в представительства нового министерства. В 1272 г. в результате очередной реорганизации произошло объединение двух министерств. Наряду с шестью главными министерствами, учреждались немногочисленные по своему составу министерства с узкими предметами полномочий [Баярсайхан, 2009, 71].

Известно, что в начале правления Хубилай-хана важнейшим учреждением в системе местного управления было министерство развития местных органов – *чөлгөө (лу)* – путей. Главы министерств распределяли функции на местах путем издания указов от имени министерства центрального управления.

Төлөөний яам – синшэн (шэн) – отдел центрального министерства местного управления со временем стал высшим учреждением местного управления.

Как отмечают исследователи, территория империи делилась на внутренние и внешние провинции. К внутренним территориям относились провинции Хэбэй, Шандун, Шаньси, Тибет, они подчинялись центральному министерству. Провинции Линбэй, Ляоян, Хэнань, Шэньси, Сычуань, Юньнань, Гансу, Чжэнцзя, Цзянси, Хугуан управлялись представительствами министерства центрального управления.

Важным направлением внутренней имперской политики была организация путей сообщения между центральной частью империи и ее окраинами с целью эффективного управления гражданским и военным населением. Анализ основных внутренних функций империи в сфере организации транспортных средств позволил выявить особенности отраслевого управления. Чиновники, управлявшие гражданским населением, были ответственны перед центральным министерством, тогда как военачальники подчинялись министерству военных дел.

На местах на руководящие должности назначались из центра. К основным функциям министерства местного управления – *шэн* относились вопросы подготовки военной мобилизации населения, финансовое, продовольственное обеспечение, организация военных поселений с целью самообеспечения военных подразделений зерном, организация транспортировки зерна. В состав представительства министерства местного управления на местах входило высшее должностное лицо – *чинсан* и два управителя. Размер жалования у местных чиновников был ниже одной степенью размера жалования сановников центрального министерства, тогда как помощники, советники правого и левого крыльев министерства центрального управления получали одинаковое жалование с главами управителями представительства министерства местного управления. Деятельность данных министерств координировало министерство центрального управления, приводя в соответствие издаваемые ими нормативные акты. Объединенный нормативный акт всех структурных подразделений передавался на рассмотрение хану. Следующая особенность организации системы управления заключалась в том, что предметы властных полномочий министерства местного управления и министерства прав чиновников были разграничены.

Территория, подвластная министерству местного управления, делилась на административные единицы: *чөлгөө (лу)* – путь, *шултгэн (фу)*, *тойрог (чжоу)* – округ, *гацаа (сянь)* – село [Санждорж, 2007, 188].

В каждом пути создавалось министерство общего управления. Во главе всей системы местного управления стоял монгол – управитель, согласно уставу о государственной службе

помощниками которого могли быть назначены сартулы, китайцы. Пути возглавляли главные управители. Кроме главных управителей к высшим чиновникам относились помощник, судья, специалист. Представителями главных шести министерств были должностные лица с определенными функциями: делопроизводитель, судья, контролер. При каждом *шултгэне* состояли нойоны, главные чиновники, судьи, дознаватель, делопроизводители. Отдельные округа находились в прямом подчинении министерства местного управления. В качестве особенности организации власти на местах следует отметить то, что не повсеместно действовал принцип централизованного управления с подчинением нижних территориальных единиц высшим [Там же].

В каждом селе были нойоны – управляющие, села управлялись путями, окружными органами и должностными лицами местного управления. На окраинах империи были созданы военно-административные округа – *зюнь*, в которых звание и размер жалования устанавливались в зависимости от численности населения хошунов. В городах – центрах системы «путного» управления создавались один или несколько отделов делопроизводства, к работе которых привлекали население данной территории. В состав отделов делопроизводства входили нойон – сутяга, секретарь. Чиновники местных министерств, путей, *шултгэнов* назначались из центра, а на должности местных управителей назначались представители местной знати, ваны. В каждой местности было учреждение с правом рассматривать дела. В составе министерств функционировали отделы контроля и ревизии по делам на транспорте.

В целях создания эффективной административной системы структура местного управления неоднократно подвергалась реорганизации. Например, в 1280 г. управлению министерства центрального управления были переданы территории Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Шанси, Монань, Мобэй, Ляодун, Сися. Под управлением министерства местного управления находились провинции Шэньси, Сычуань, Юньнань, Хугуан, Цзяньси. Отделы докладов, именовавшиеся большими путями, ведали вопросами управления, отдаленными от центра империи территориями.

В уделах потомков Чингисхана – Бэлгудэя, Тумэргэ-отчигина, территориальных владениях местной знати восточных провинций, в землях, предоставленных во владение знати северных кочевников, в разные периоды времени существовали специальные системы управления [Ганболд, 2006, 28].

С достаточной точностью установить систему управления в западных окраинах империи – Восточном Туркестане сложно. По мнению монгольских ученых, это связано с противоречиями между правителями Юаньской империи и правителем Туркестана Хайду-нойоном.

Особое внимание уделялось вопросам организации системы управления в Тибете. Властные полномочия на данной территории осуществляло министерство традиционной власти, ведавшее делами буддийской религии.

В 1288 г. в Тибете учреждены три транспортных отдела упорядочения докладов (Сюань вэйси): отдел упорядочения докладов *тойн-ма* (лам знатного происхождения); отдел упорядочения докладов *доганин*; отдел упорядочения докладов *цинзан*.

Тойн-ма управлял южными районами устья р. Кукунор, провинции Сычуан. Под властным управлением Доганин находились территории района Голо р. Кукунора, Юйму, район Гансун провинции Сычуан.

Характерная особенность внутренней политики в империи Юань заключалась в том, что проводили различие между монголами, ханьцами – населением бывшего государства Цинь и

южными китайцами – жителями государства Сун. Китайские законы применялись в отношении китайцев, а к монголам и центральноазиатам (сэму) применялись их традиционные источники права. Известно, что на территории Юаньской империи до 1271 г. применялся закон Тайхэ династии Цзинь.

Форма судопроизводства была различной в зависимости от национальной принадлежности населения. На местах действовали специальные суды. Одним из таких судебных учреждений было главное бюро по делам императорской семьи (*да цзенчжен фу*), которому были подсудны дела в отношении только монголов. Дела, касающиеся китайцев, рассматривало бюро по опеке (*духу фу*). Функционировали и специальные суды, разрешавшие дела с участием лиц разной этнической принадлежности. Такой суд предусматривал в составе судейской коллегии представителей от каждой группы. При разрешении споров между членами семьи от смешанных браков суды руководствовались монгольскими обычаями и законами, если один из супругов был монголом. В отличие от Монголии периода правления Чингисхана, в империи Юань учреждались специальные смешанные суды для военных и буддийского духовенства. В случае возникновения споров мирян и гражданских лиц с представителями этих профессиональных групп также применялся принцип представительства социальной группы в судебной коллегии [Там же, 29].

Таким образом, в империи Юань при проведении государственной политики осуществлялась сегрегация населения по национальному признаку.

В XIII в. юаньское государство сохраняло элементы двойной системы управления, характерной для монгольского государства эпохи Чингисхана.

Согласно китайским источникам, многие учреждения монголов государства Юань носят китайские названия, при этом, как отмечают исследователи, их природа оставалась монгольской [Хучигэн, 2003, 46].

Так, провинции Юаньской империи, именуемые *синиэн*, представляли собой правительства внешних территорий вокруг столичной области Дайду (Пекин). Организационные принципы функционирования правительства внешних территорий были основаны на строгой иерархии, но при этом характерной особенностью системы была слабая связь с верховной властью – властью хагана, что и привело в конечном счете в конце XIII в. к распаду империи.

Военное законодательство регламентировало порядок военной мобилизации населения. В отдельных провинциях были введены должности с функциями организации военной мобилизации местного населения, предупреждения и усмирения волнений на местах.

Воинской повинности подлежало все мужское население империи в возрасте от 15 до 70 лет. Каждый двор при наличии 2-3 мужчин выставлял одного, при наличии 4-5 мужчин – двух, при наличии 6-7 мужчин – трех [Болдбаатар, 2007, 95]. Поэтому по мнению Ж. Болдбаатара, население Китая, в том числе монголы, осевшие в китайских провинциях, а также подданные государств Алтан улс и Сун, официально именовалось как *цэрэгчин өрх*. При этом все же основу войска составляли монголы, военное руководство было представлено монголами. В период ведения войн к военной службе привлекалось население Китая и Кореи. Анализируя особенности военной организации империи Юань, Ж. Болдбаатар отмечает, что подразделения, состоявшие из китайцев и корейцев, находились под постоянным жестким контролем [Там же, 96]. В случае неукомплектованности подразделений закон предписывал верстать соответствующее количество воинов из ближайших населенных пунктов. Строго запрещалось военным всех уровней, начиная от простого воина до крупного военачальника, нарушать военную дисциплину. Нормы военного устава 1270 г. Хубилай-хана предписывали правила

поведения военных на территории населенных пунктов, запрещали устраивать шум, громко кричать под угрозой наказания.

Политическое господство монголов обеспечивалось не только благодаря развитой административной системе, но и мощной, передовой для своего времени военной организации.

Следует согласиться с выводом исследователей о том, что на всем протяжении имперского периода сохраняла свою силу традиция монгольской системы управления – коллективное принятие решений [Ли Ганн, 1985, 134].

Управление с использованием советов было характерно для административной системы Юань на всех уровнях. Местные чиновники всех уровней должны были ежедневно участвовать в обсуждении вопросов управления. Отсутствие на совещаниях строго наказывалось. Собрания проходили каждое утро в ведомствах столицы, местных советах, при этом обязательна была процедура регистрации чиновников. В китайских источниках совещания называют *юаньцзо* («сидеть в круге»), то есть совещание проходили за круглым столом. Такая процедура, по мнению Е.И. Кычанова, противоречила китайской традиционной бюрократической системе управления, при которой ответственность была индивидуальной [Кычанов, 1997, 288], тогда как в монгольском государстве основным элементом системы управления было коллективное обсуждение и принятие решений на высшем уровне (Курултае) и на местном уровне китайской администрации. Возможно, указанная особенность политической власти и административной процедуры объяснялась тем, что традиционная бюрократическая система Китая была неэффективна при монгольских правителях. Для исполнения воли хагана при неэффективности административной системы управления применялась процедура дворцовых порок, когда сановники всех уровней управления могли быть приговорены к телесному наказанию в присутствии хана. Китайская привилегия, освобождавшая чиновников от телесного наказания, монголами в Юаньский период игнорировалась. Подобная система наказания разрушила традиционное китайское деление на бюрократов (гуань) и простых людей (минь).

Заключение

Таким образом, монгольское государство в эпоху династии Юань характеризуется многообразием экономического и культурного уклада, что отражалось в системе местного управления, дифференцированном правовом положении населения и фактическом многоязычии.

Для административно-территориальной системы управления Юаньской империи характерно сочетание китайских и монгольских учреждений. Заимствования традиционной китайской административной системы плохо приживались в условиях кочевого образа жизни монгольских скотоводов. Преимущество системы управления свидетельствует о жизнеспособности исконных политических традиций монголов, которые перенесли воздействие китайских административных традиций.

Библиография

1. Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичиг-г хийсэн эрх зүйн судалгаа. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2009. 190 с.
2. Баярсайхан Б. Хууль зүйн тайлбар толь (Монгол Улсын төр, эрх, зүйн түүх). Улаанбаатар, 2003. 304 с.
3. Болдбаатар Ж. Монголчууд дэлхий дахины түүхнээ. Улаанбаатар: Admon, 2007. 156 с.
4. Ганболд Ж., Мөнхцэцэг Т., Наран Д., Пунсаг А. Монголын Юань улс. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2006. 356 с.

5. Дашням И. Монгол Улсын төр, эрх зүйн түүх. Улаанбаатар, 2005. 467 с.
6. Дэмчигдорж Д. Юань улсын судар. Улаанбаатар, 2002. 256 с.
7. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 318 с.
8. Ли Ганн. Юань улсын үеийн ниигэм, эдийн засгийн хөгжлийн түүхэн ноорог. Хубэй, 1985. 186 с.
9. Пунсаг А. Монголын Юань улс. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2006. 184 с.
10. Санждорж М. Монгол төрийн түүхээс (XIII-XIX зуун). Улаанбаатар, 2007. 214 с.
11. Сун Ли. Ян Дай юань улсын бичиг. Хөх хот, 1987. 114 с.
12. Хучигэн. Хубилай сэцэн хаан. Хөх хот, 2003. 165 с.

Administrative and territorial structure of Mongolian state during the Yuan Dynasty

Evgeniya Zh. Dugarova

Assistant,
Department of theory and history of law and state,
Buryat State University,
670000, 24a Smolina st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: dugarova_s@mail.ru

Abstract

The Yuan Empire is a promising direction in a historical and legal study of the Mongolian state. The issues of state and public organization of Mongolia during this period have not received sufficient consideration and analysis in modern scientific literature. The new era, reign of the Yuan dynasty, in the history of Mongolia meant a change in the legal status of constituent parts of the state, the introduction of new principles of administrative and territorial government. The article on the bases of Mongolian historiography reveals the peculiarities of administrative and territorial structure of the Yuan Empire that combined the features of traditional agricultural and cattle-breeding societies. Analysis of the administrative system of Mongolia, that had lost its status as the center of imperial government due to formation of the Yuan Empire, allowed to reveal the essence of domestic legal policy of the Yuan dynasty in respect of the multi-ethnic population of the empire. The article defines the Khagan's administrative reform that had established an effective system of control over vast imperial territory. It shows that the Mongol government system has continuity resulting in stability of political and legal traditions of the nomadic society, despite the Chinese govern system policy pursued by the Khagan authorities throughout the empire.

For citation

Dugarova E.Zh. (2018) Administrativno-territorial'naya sistema upravleniya mongol'skogo gosudarstva v period dinastii Yuan' [Administrative and territorial structure of Mongolian state during the Yuan Dynasty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (2A), pp. 39-47.

Keywords

Mongolia, Yuan, system of government, empire, territory.

References

1. Bayarsaikhan B. (2003) Khuul' zyin tailbar tol' (Mongol Ulsyn tər, erk, zyin tyykh). Ulaanbaatar.
2. Bayarsaikhan B. (2009) Mongol tsaazyn bichig-t khiisen erk zyin sudalгаа. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn shinzhlek ukhaany akademiin tyykhiin khyreelen.
3. Boldbaatar Zh. (2007) Mongolchuud delkhii dakhiny tyykhnee. Ulaanbaatar: Admon.
4. Dashnyam I. (2005) Mongol Ulsyn tər, erk zyin tyykh. Ulaanbaatar.
5. Demchigdorz D. (2002) Yuan' ulsyn sudar. Ulaanbaatar.
6. Ganbold Zh., Mėnkhtsetseg T., Naran D., Punsag A. (2006) Mongolyn Yuan' uls. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn shinzhlek ukhaany akademiin tyykhiin khyreelen.
7. Khuchigen (2003) Khubilai setsen khaan. Khėkh khot.
8. Kychanov E.I. (1997) Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic States from the Huns to the Manchu]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
9. Li Gann (1985) Yuan ulsyn yeiin niigem, ediin zasgiin khėgzhliin tyykhen noorog. Khubei.
10. Punsag A. (2006) Mongolyn Yuan' uls. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn shinzhlek ukhaany akademiin tyykhiin khyreelen.
11. Sanzhdorzh M. (2007) Mongol tėriin tyykhees (XIII-XIX zuun). Ulaanbaatar.
12. Sun Li (1987) Yan Dai yuan' ulsyn bichig. Khėkh khot.